

ЦЫГАНЕ И ТОРГОВЛЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

© 2010 В.Н. Шкунов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г.Самара

Поступила в редакцию 24.04.2010

Статья посвящена торговой деятельности цыганского народа. Приведены конкретные примеры участия цыган как во внутренней, так и во внешней торговле России на протяжении XVII-XIX вв., определены их связи с соплеменниками в сопредельных странах. Автор предпринял попытку по-новому взглянуть на участие цыган в экономической жизни России.

Ключевые слова: цыгане, внутренняя и внешняя торговля, Россия, сопредельные страны, контрабанда, ремесленное производство, народное искусство, традиции.

Со времени появления первых цыганских таборов на территории России прошли века. Но за это время народы, среди которых живут цыгане, не стали их лучше понимать. Даже сейчас в эпоху информационного общества не преодолены стереотипы и предубеждения, не разрушен образ неукротимых бродяг, попрошайек, какими воспринимает цыган большинство наших сограждан. Много ли мы знаем о цыганах, которых с полным правом можем отнести к категории коренных жителей нашей огромной страны? Именно коренных, если таковыми мы считаем десятки других народов, история единения которых с русскими значительно короче. В настоящей статье предпринята скромная попытка рассказать о цыганах, их занятиях, об участии цыганского народа в экономической жизни России в XVII-XIX вв. Причем мы сделали это с помощью очевидцев: на основе дневников, воспоминаний, отчетов, “записок” путешественников, дипломатов, государственных деятелей, архивных документов судов, местных администраций и т.д.

Как уже отмечали исследователи, цыгане, независимо от территории их расселения, гражданства, принадлежности к той или иной этнической группе, условно делились на две большие категории: оседлых и кочующих. И те, и другие, живущие как в России, так и в сопредельных странах, кроме традиционных занятий принимали активное участие в торговых операциях. Речь идет как о мелкой розничной, так и оптовой торговле. Неслучайно оседлые цыгане стремились поселиться вблизи крупных торговых центров, а кочевые – разбивали свои палатки вблизи торговых трактов. Во многих таборах всегда был товар, предназначенный для продажи. Можно предположить, что цыгане хорошо знали потребительский спрос, цены, пользовались преимуществами

Шкунов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник. E-mail: usitot@mail.ru

своей мобильности. Свои плюсы имела и так называемая “цыганская почта”: таборы как хорошо организованные социальные группы всегда имели возможность получать необходимую информацию. Для цыган, проживавших на территории Российской империи, примером была и деятельность так называемых офеней – розничных торговцев, которые отправлялись далеко от родного дома, продавая по пути мелкие партии товара. Заметим, что при осуществлении торговой деятельности делом были заняты все члены табора, от мала до велика: кто-то торговал, женщины гадали, дети собирали милостыню, старики готовили пищу и присматривали за скарбом и т.д. Были и талантливые цыгане, которые во время проведения ярмарок веселили народ, выступая в качестве самодельных певцов, танцоров, музыкантов, дрессировщиков зверей, акробатов. Но все же главным занятием, на наш взгляд, оставалась торговля: это природное чутье на выгоду, умение играть на разнице в цене, перекупая и перепродавая товар, цыгане передавали от одного поколения к другому. Безусловно, для этого нужно было обладать определенными качествами: природной смекалкой, интуицией, умением очень быстро менять тактику и реагировать на изменения потребительского спроса. Всеми этими качествами цыгане обладали. Более того, в вопросах реализации товара они были одними из лучших. Вспомним конец 80-х - начало 90-х гг. XX в., когда в нашей стране были пустые прилавки, действовала карточно-распределительная система. Кто первым отреагировал на дефицит либо полное отсутствие необходимого товара? Цыгане! У них граждане покупали мыло, шампунь, косметику, одежду, обувь, сигареты и т.д. Тогда эту деятельность многие оценивали как спекуляцию. Понятия “предприниматель” и “предпринимательство” войдут в обиход очень скоро, но пионерами на пути рыночной экономики в России (да и в быв-

ших республиках СССР) были те же цыгане. Вот только со становлением рынка, формированием целого корпуса предпринимателей, с открытием в каждой деревне, в каждом селе частных магазинов новых “рыночников” почему-то спекулянтами уже не называли, хотя цель их деятельности – извлечение прибыли на игре в ценах – ничем не отличалась (и не отличается сейчас) от цыган конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. Но вернемся к истокам. Посмотрим, какова же была роль цыган в торговле (в частности, во внешней) в России в XVII-XIX вв.

О положении цыган в Европе, в Азии в период средневековья и нового времени написано немало исследований. Почти во всех авторы сходятся на выводе об униженном положении цыган, характеризуют их как изгоев. Отчасти, очевидно, так и было. Народ, не вписывавшийся в европейские стандарты, воспринимался аборигенным населением с опаской, недоверием, а иногда и с откровенной враждебностью. В этих условиях цыгане вынуждены были приспосабливаться, подстраиваться под внешнюю, чужеродную среду. Вместе с тем из таборов выходили и образованные люди, добивавшиеся изменения своего социального статуса.

В Европе уже в XVII в. некоторым цыганам удавалось достичь определенного положения в обществе и на государственной службе. К примеру, во время путешествия Патрика Гордона в Россию (1635-1659 гг.) в Познани он встретил лейтенанта-цыгана.²

В Молдавии большое количество цыган появилось не по своей воле в 6979 г. от с. м. (в 1471 г. от Р.Х. – В.Ш.). В этот год Стефан, воевода Молдавских земель, во время военного похода на Мунтению (восточная часть Валахии. – В.Ш.) насильно увел 17 тыс. цыган.³ Полвека спустя императорский посол Эрик Ляссота, проезжая через территорию Молдавии, в долине реки Хотин 1 июля 1524 г. также встретил цыган.⁴ Составляя заметную долю населения, цыгане в Молдавии вели как оседлый, так и кочевой образ жизни. Здесь, в отличие от других мест, немало было цыган-земледельцев. Но все же главное их занятие составляла торговля скотом. Городские цыгане часто зарабатывали деньги строительством домов. Наконец, были и те, кто имел средства на жизнь от выступлений в качестве музыкантов и певцов.⁵ В 1832 г. в Валахии и Молдавии насчитывалось 26900 цыган.⁶ Таким образом, цыгане были вторым по численности народом в крае после молдаван. Их было больше, чем евреев (24300 чел.), болгар, сербов, румын (15570 чел.).⁷

Присоединение Крыма к Российской империи открывало новые перспективы для развития

внешнеторговых связей России с зарубежными государствами по черноморскому направлению. Власти в Санкт-Петербурге нуждались в объективной и всесторонней информации о Крымском полуострове. Эту задачу отчасти решил командующий русскими войсками, занявшими Крым, генерал И.А. Игельстром, который на основании ответов, полученных им от бывших ханских сановников, директора монетного двора, ханского казнадара, каймаканов, составил “Камеральное описание Крыма” и представил его в июне 1784 г. Новороссийскому генерал-губернатору князю Потемкину.⁸ В этом описании приводятся сведения о крымских цыганах, которые выплачивали подушный сбор. Об их численности на полуострове можно судить лишь по косвенным признакам. Известно, что в 1782 г. со всех цыган Крыма было собрано подушного сбора на 1000 руб., с евреев – 3000 руб. На полуострове евреи играли заметную роль в торговле, в том числе в сборе таможенных пошлин, содержали питейные заведения и проживали в разных районах Крыма. Подушный сбор и с цыган, и с евреев был одинаков. Следовательно, в Крыму цыган было в 3 раза меньше, чем евреев. До правления хана Шагин Гирея с каждого цыгана брали подушный сбор в размере 60 коп. С воцарением же хана подушный сбор был дифференцирован: богатые цыгане платили по 7 руб. 20 коп., цыгане среднего достатка – по 3 руб. 60 коп., а бедные – по 1 руб. 80 коп.⁹ Таким образом, подушный сбор с крымских цыган за короткое время в среднем вырос в 7 раз. Наличие сбора (достаточно высокого для того времени) свидетельствовало о наличии у крымских цыган постоянного достатка. Поскольку земледелием они не занимались, доход в основном им приносили торговля и ремесла. Не исключено было и участие цыган в контрабанде. На ее распространенность указывали многочисленные документы того времени. Из Крыма запрещалось вывозить золото, серебро, медь, алмазы и некоторые другие товары и изделия. Повышение подушного сбора не привело к уходу цыган из Крыма. Иоганн Тунманн в своем сочинении “Крымское ханство” отмечал: “Цыгане как в Крыму, так и в других владениях хана также очень многочисленны”.¹⁰ А П.С. Паллас привел данные переписи 1793 г.: цыган в это время на полуострове насчитывалось 3225 чел. (2% всего населения. – Подсчитано нами. – В.Ш.).¹¹ Местные цыганки занимались гаданием и торговлей в разнос (занятие, аналогичное тому, каким занимались в центральных районах России офени. – В.Ш.). Этот вид деятельности обозначался словом “*пхиритэм*” (“хождение”).¹²

Крым оставался местом расселения цыган и в последующие десятилетия. Так, по состоянию

на 1848 г. здесь насчитывалось 2542 человека (1369 мужчин и 1173 женщины).¹³ На полуострове цыгане расселялись неравномерно. Так, в Керчи и ее окрестностях проживало всего 53 человека (из них 26 – женщины и дети).¹⁴ Как заметили некоторые исследователи, “гордость цыганского народа всегда составляли известные люди – *“славумтна ромам”*”. К ним, в частности, относились и “именитые купцы, и торговцы”.¹⁵

На Украине уже в XVII в. было немало оседлых состоятельных цыган. Об их социальном статусе и имущественном положении можно судить по материалам уездных судов. Так, в Мстиславский уездный суд поступила жалоба от цыгана села Сленев Лукашевича на цыгана Марка Росланковича на то, что ответчик вместе с вооруженными казаками, приехавшими из Москвы, 21 сентября 1663 г. напал на усадьбу Лукашевича и увел двух коней стоимостью 500 золотых. Через два дня вновь произошло нападение, в ходе которого были похищены серебряный кубок стоимостью 30 золотых, другие серебряные вещи. М. Росланкович насильно увел с собой отца истца и других родственников.¹⁶ Приведенный пример любопытен не только как подтверждение оседлого статуса цыган, их высокого имущественного статуса, но и того, что цыгане в целях защиты своих нарушенных прав обращались в суд. К сожалению, мы не знаем окончания этой детективной истории.

Немало оседлых цыган проживало и в других областях Украины и юга России. Так, в Екатеринославском наместничестве в 1792 г. насчитывалось 555 цыган, “состоящих на льготе”, а в 1794 г. – 255 чел.¹⁷

Президент Коммерц-коллегии А.Р. Воронцов в подготовленном им “Мнении” в 1790 г. сетовал по поводу того, что цыгане занимаются торговлей, а те, что побогаче, скупают на ярмарках России золотую и серебряную монету и вывозят ее в Польшу и Пруссию.¹⁸ Такие операции цыгане, как и торговые евреи, производили в основном в Белоруссии. Можно предположить, что местных белорусских цыган с Польшей связывали определенные отношения: они хорошо знали особенности торговли в крае, поддерживали связи с польскими партнерами. Подобного рода контрабандная деятельность цыган вызывала озабоченность российских властей: к концу 80-х гг. XVIII в. металлические деньги из драгоценных металлов они стали скупать не только на территории Белоруссии, но и непосредственно в России. Заметим, что в конце XVIII в. контрабандный вывоз золота и серебра стал приобретать угрожающий характер не только на западноевропейском направлении российской внешней торговли, но и на Оренбургском. Несмотря

на строжайшие запреты, отечественные и иностранные купцы тайно вывозили за границу звонкую российскую монету.

В Прибалтике цыган хорошо знали в начале XVII в. Об этом свидетельствуют некоторые исторические факты. Так, Адам Олеарий в составе Голштинского посольства после отбытия из Митавы, столицы Курляндии, остановился на ночлег в деревне Доблен. Далее путешественник записал в своем дневнике: “Так как дело было ночью, то хозяин не хотел нас принимать, полагая, что мы солдаты или цыгане, посетившие его несколько дней тому назад и плохо его наградившие”.¹⁹

В XVIII в. расширилась территория расселения цыган в западных районах Белоруссии и Литвы. По-прежнему здесь встречались как кочующие, так и оседлые цыгане. Некоторые из них поддерживали тесные связи с местными шляхтичами. Впрочем, эти отношения не всегда были безоблачными. Так, в 1744 г. граф Денгоф-Флеминг, генерал от артиллерии Великого княжества Литовского и генеральный администратор столовых королевских имений и пошлин, направил в Брестский городской суд жалобу на кременецкого подчашия и диспозитора соляного склада в Пеще Франциска Рудницкого и других шляхтичей. Суть иска заключалась в том, что ответчик вместе с другими шляхтичами и цыганами, проживающими на территории Брестского воеводства, “а частью в пределах Короны”, совершили кражи у кобринских жителей. В жалобе граф объяснил, что “цыгане вместе с шляхтичами составили банду воров, покровительствуемых Кременецким подчашием Рудницким”.²⁰ Все подозреваемые были арестованы, но Рудницкий вскоре их освободил. Интересно, что суд не выявил вину подозреваемых и отправил дело на следствие. Решение по нему принято не было. По всей видимости, граф сгустил краски. Приведенный нами пример интересен как факт дружбы цыган с дворянами, так и далеко не предвзятым отношением суда и местных властей к представителям “свободного племени”. История сохранила и факты судебной защиты цыган. Приведем еще один пример. В 1776 г. священник Киевецкой церкви Зеленский направил жалобу на местных цыган, которые якобы украли церковные вещи и деньги на общую сумму 7000 золотых, на Славатицкого помещика и эконома в укрывательстве ими воров и на славатицких евреев, которые якобы купили украденное. Однако цыгане направили встречную жалобу (как, впрочем, и все другие ответчики) на священника, объяснив в суде, что “он нападает на них совершенно невинно”.²¹ Таким образом, цыгане имели возможность защищать свои права судебным порядком и наравне с другими жителями подавать в суд иски о защите.

В августе 1812 г. в Вильно Административная комиссия приняла решение о составлении статистических таблиц по каждому повету (документ на польском языке. – В.Ш.). Сведения касались как характеристики населения, так и состояния торговли, хозяйства и т.д. Население классифицировалось по пяти группам. Цыгане были включены в 3-ю группу.²² Разумеется, под “перепись” попадали только оседлые цыгане. Сам факт включения раздела о цыганах свидетельствует о том, что на территории Литвы в начале XIX в. проживало немало оседлых цыган, что позволило местной администрации выделить их в отдельную категорию населения.

На территории Белоруссии цыгане, не занимавшиеся земледелием, требовавшим оседлости и долготерпения, успешно торговали водкой. Этому в определенной мере способствовали большое количество корчем и свободная винная торговля, дававшая хорошую прибыль.²³ А в Прибалтике кочующие цыгане часто останавливались в селах, где работали в качестве кузнецов. Иногда это приводило к конфликтам с местными умельцами. Так, в октябре 1704 г. поступила жалоба управляющего частью села Смыкова дворянина Михаила Целеского на дворянина Александра-Трояна Петровского по поводу того, что последний пригласил в село на работу странствующих цыган-кузнецов. Когда же местный кузнец Хвесько стал требовать с цыган “по обычаю вознаграждения за право заниматься его ремеслом, то Петровский со своими приятелями напал с оружием в руках на Целеского”.²⁴ Данный пример был характерным для всего западного края.

К концу XVIII в. география расселения цыган на территории Российской империи значительно расширилась. Кочующий народ можно было встретить как в западных и южных областях страны, в центральных районах, так и за Волгой. Так, Иосиф Копец в описании своего путешествия по России и Азии отмечал, что вдоль проезжего тракта, шедшего из Тобольска на Казань, “при большой реке Каме” жили наряду с бухарцами и калмыками цыгане.²⁵ Это соседство, на наш взгляд, было не случайным. Калмыки и бухарцы занимались в основном торговлей и поддерживали тесные связи с народами Средней Азии. Да и сам тракт имел прежде всего торговое значение. Таким образом, цыгане занимали определенную нишу в этих торговых связях. Плещеев С.И. в “Обозрении Российской империи” также отмечал: “На Дону, так как и по всей России, живут по временам цыгане, не имеющие нигде постоянного жилища, а промышляющие кузнечным и коновальным ремеслами и меною лошадей... Большая часть из них приписана для платежа подушных денег и для получения паш-

портов к разным помещикам”.²⁶ Заметим, что в центральных районах России для кочующих цыган такая “приписка” носила чаще всего формальный характер, хотя подавляющее большинство цыган исправно и своевременно оплачивало подушные сборы. Это отличало их от других народов. Стоит упомянуть и еще об одном отличии: цыгане не были подвержены пьянству. В таборах действовал строжайший запрет на употребление алкоголя.

Со второй половины XVIII в. значительно расширились торгово-экономические связи Российской империи с народами и государствами Средней Азии. Капитан Генерального штаба российской армии барон Е.К. Мейендорф, побывавший в составе дипломатической миссии А.Ф. Негри в Бухаре в 1820-1821 гг., в своем сочинении “Путешествие из Оренбурга в Бухару” привел сведения и о среднеазиатских цыганах. В частности, он отметил: “Происхождение цыган, или зингари, называемых в Бухарии “мазане”, не выяснено с достоверностью. Их можно встретить во всех частях страны; как и в других местах, они ворожат и занимаются продажей лошадей; объединенные в таборы, они влачат жалкое существование”.²⁷ Здесь мы должны сделать некоторые пояснения. В ханствах Средней Азии в XVIII-XIX вв. не было принято выставлять напоказ богатство. Даже самые богатые купцы и именитые сановники часто внешне ничем не отличались от простых жителей. В условиях ханского произвола, отсутствия правовых основ защиты собственности и самой жизни купца богатство, выставленное напоказ, могло повлечь самые печальные последствия. Была и другая причина, по которой у барона сложилось впечатление о “жалком существовании” цыган. В ханствах Средней Азии нищенство и попрошайничество были весьма выгодными занятиями. Другой путешественник – доктор Эдуард Эверсман, побывавший в Бухарском эмирате в 1823 г., отмечал: “Говорят, в Бухаре есть нищие, располагающие состоянием в несколько тысяч, а на улицах выпрашивающие полушку”.²⁸ Как правило, собирание милостыни происходило в караван-сараях или на базарах, где находились как местные торговцы, так и купцы из России и сопредельных с Бухарским ханством государств Востока. По оценке Е.К. Мейендорфа, в начале 20-х гг. XIX в. в Бухаре и ее окрестностях проживало около 2 тыс. цыган (все население эмирата барон оценивал в 2478000 чел. – В.Ш.).²⁹ На наш взгляд, это заниженная оценка. При отсутствии статистических сведений Егор Казимирович руководствовался лишь некоторыми косвенными данными, а также теми сведениями, которые могли сообщить сановники эмира. Кроме этого, среднеазиатские

цыгане-люли старались подстраиваться под местные обычаи, правила этикета. Европейцам, очевидно, было сложно отличить цыган-люли от представителей других народов, живших в Бухарском ханстве или приезжавших в это государство по делам торговли. К примеру, тот же Мейендорф сообщал о том, что в столицу постоянно прибывали странствующие нищие. Но кто они? Вот как он сам пишет об этом: “Являющиеся в Бухару паломники-нищие, очень хорошо, но странно одетые, напоминают колдунов-шаманов; они кривляются и поддельваются под безумных, потому что народ приписывает известную степень святости тем, чей рассудок расстроен”.³⁰ Вполне возможно, это были кочующие цыгане. На это указывает ряд признаков. К тому же именно цыгане обладали уникальным качеством – способностью приспособливаться, адаптироваться к местной социальной среде, т.е. социальной мимикрией. Это обеспечивало сохранение народа, его выживаемость в иноязычной, чуждой среде. Однако социальная мимикрия не приводила к утрате национальной самоидентичности цыган. Нельзя и говорить об униженном положении цыган в ханствах Средней Азии. Это также противоречит историческим фактам. Социальный статус их был не ниже иных малых народов, проживавших на территории макрорегиона (за исключением иранцев-шиитов, к которым местное население относилось враждебно и пренебрежительно. – В.Ш.). Мир Абдуль-Керим Бухарский в своем сочинении “Царствование Шах Тимура” привел любопытный исторический факт: причиной сдачи одного из стратегических центров Средней Азии – крепости Мерва – стала цыганка-люли, “знаменитая своей красотой”.³¹ Начальник крепости, пришедший в ярость от того, что ему пришлось выдать цыганку посланникам хаджи Мухаммед Хусейна из Мешхеда, сдал свой город бухарскому эмиру Шах Мураду.

Российский востоковед, знаток Средней Азии, Н.В. Ханьков в книге “Описание Бухарского ханства” привел такие сведения о цыганах: “Цыгане в Бухарском ханстве есть три рода племени, которых я должен причислить к цыганам, как по лице очертанию, так и по образу жизни их называют Джуги, Мязянг и Люли”.³² Автор отмечает, что все они считались мусульманами, но “не имеют почти никакой веры”. Цыганки ходили с открытым лицом, никто не утруждал себя чтением Корана. Жили цыгане, по свидетельству Н.В. Ханькова, в Бухаре и других городах ханства и занимались продажей пивовок, воровской. Кочующие же цыгане жили в белых бязевых палатках. Им беспрепятственно разрешалось кочевать вдоль всех рек и озер ханства (если эти места не были заняты узбеками). Больше всего ко-

чующих цыган было в районе Зеравшана около Самарканда и близ Каракуля. Главным занятием кочующих цыган было “барышничество” (мелкая перепродажа либо торговля лошадьми и другим скотом. – В.Ш.). О цыганах в Кокандском ханстве упоминал в своем сочинении А.Л. Кун, отметив, что жили они в основном в городах.³³ А побывавший в Кулябе в конце 90-х гг. XIX в. А.А. Семенов также отметил живущих в округе цыган.³⁴ Собственно, понятие “барышничество” было знакомо практически всем цыганам, независимо от ареала их расселения. Только слово это использовалось у разных цыганских групп по-своему: у кэлдэрарей – “добымнда”, у крымских цыган – “кямри”, у так называемых русских цыган – “комфо”.³⁵

В первой трети XIX в. развивались торгово-экономические связи между Россией и Ираном. Российские дипломаты, торговцы сообщали о цыганах, проживавших на территории этой азиатской страны. Так, Н.Т. Муравьев в своей обстоятельной работе об Иране, в частности, писал: “История Персии говорит, что музыканты явились здесь в первый раз в благодетельное царствование Жемшида (или Джемшида). Шах Богарам (в V веке по Р.Х.) выписал из Индии 12000 музыкантов и певцов! (Малькольм. История Персии)”.³⁶ П.И. Огородников во время поездки в Иран также отметил торговые занятия цыган. Ему встретился табор, напротив которого находились глиняные лавки, где проезжающие могли купить подковы, глиняную посуду местного производства, ячмень, зелень, фрукты и прочие продукты, а также фураж для скота. Такие импровизированные базары находились на оживленных трактах, по которым следовали богомольцы-паломники. Это обеспечивало цыганам постоянный доход.³⁷ Тот же автор встретил цыган в городе Сябзавар в провинции Хорасан. Здесь целый городской квартал был занят цыганами. Во время голода почти все население города вымерло. Однако цыганское население быстро восстановилось. Главным занятием этих жителей было кузнечное дело.³⁸ Заметим, что практически во всех районах Ирана цыганки не закрывали свое лицо, что сразу выделяло их среди местных жителей.

В XVIII в. немало цыган проживало и на территории Кавказа и Закавказья. Несмотря на крайне сложную обстановку в этом регионе в рассматриваемый период, цыганам удавалось не только выжить в условиях частых войн, феодальных междоусобиц, нарушения экономических связей между разными районами, но и в некоторых случаях использовать преимущества своего кочевого образа жизни. Было среди них и немало людей зажиточных. К примеру, в армянской анонимной хронике 1722-1736 гг. сообщалось о том, что в пе-

риод осады Еревана османскими войсками “богатые и храбрые цыгане-христиане” в ответ на просьбу армян оказать им помощь в защите города в короткое время собрали 9 тысяч молодых бойцов как из самого Еревана, так и из окрестных сел. Данный факт свидетельствует о том, что в первой половине XVIII в. на территории Армении проживало несколько тысяч цыган. “Хроника” донесла до нас и имена предводителей тех богатых цыган, живших в ереванском квартале Конди: Газарос Батуриян, Кылдуз, Давид, Байрам и Петрос. Это те предводители цыган, которые сразу откликнулись на просьбу монаха Григора оказать помощь осажденным. Их примеру последовали другие предводители: Оганес Хиндибемян, Пиригул, Арзум-бек, Таддеос, Мыгун, Мыкыртых, Малкус, Накалаос, Аветис Сирарпионян, Агазаде, Нури, Зохран, Алексан, Агам, Галуст, Арам и другие.³⁹ Молодые цыганские воины прибыли из селений Паракар, Гугумбет, Кавакерт, Аринч, Цакаван, Аван, Цак и Еникёй: “все мужчины этих сел, могущие держать оружие, собрались за стенами цитадели в незащищенной части Еревана”.⁴⁰ В квартале Эски Реван к ним присоединились молодые юноши из цыганских семей, “собранных в отряды под командованием Пехлевана Никогайоса, Мариамйаноглу Антониоса, Хатунйаноглу Патики и священника Мовсеса”.⁴¹ Общее количество молодых воинов из цыганских семей, таким образом, составило 9443 человека. Несложные арифметические подсчеты позволяют оценить общее количество цыган, проживавших только вблизи от Еревана, в 50-60 тыс. чел. (подсчитано нами. – В.Ш.). Анонимный автор пишет: “Эти молодые люди, оставив дома женщин, детей и немощных, собрались вместе со своими старшими в квартале Еревана Дзоракег, чтобы сражаться за себя и своих жен и детей”.⁴² После того, как турки, которым из Египта пришли на подмогу еще 3 тысячи воинов, прорвали оборону в квартале Дзоракега и вынудили его защитников отступить в квартал Агорияц, “об этом узнали цыгане в других кварталах, бросили туда на помощь 300 мужчин, и, ведя огонь с высокой позиции, сумели перебить до 6 тысяч вражеских воинов, вынудив остальных бежать”.⁴³ В этом кровопролитном сражении цыгане потеряли 1300 воинов. Цитируемая нами армянская анонимная хроника, обнаруженная в монастыре мхитаристов в Венеции, проливает свет на социальный и имущественный статус цыган в Армении в первой половине XVIII в. Указанная рукопись ценна и тем, что подтверждает наш вывод о занятии многих цыган торговлей, ремеслами. К началу XIX в., по некоторым данным, количество цыган-бошей в Армении уменьшилось; они по-прежнему “исповедовали армянскую веру”.⁴⁴

Конечно, не все цыгане на Кавказе занимались торговлей и ремеслами. Некоторые таборы, напротив, по примеру коренных жителей края промышляли разбоями на торговых путях. Армянский купец, путешественник, человек удивительной судьбы Артемий Араратский (Арутюн Аствацатурович. – В.Ш.) в своей книге сообщает о встрече с цыганами на пути из Ставрополя в Черкесск. Остановившись на ночлег на открытой местности, Артемий и его спутники проявляли беспокойство: “... все подвержены были страху от набегов горцев; цыгане, шатавшиеся там во множестве большими партиями, не менее были опасны”.⁴⁵ Опасение было не напрасным: одну из лошадей все-таки украли. Однако Артемий не поспешил как можно быстрее покинуть опасное место, а отправился в табор. Более того, он и его попутчик майор взялись еще совестить цыган и советовать им, чтобы “они старались исправиться и не подвергать детей своих такому же жребью, какой несут сами”.⁴⁶ На эти увещевания цыгане открыто посмеялись. Как пишет сам Артемий, уговаривая цыган, они забыли о том, что “...жребий их кажется им весьма приятен и лучшим всех на свете жребиев, и что они не пожелают жить ни в каких чертогах, лишь бы иметь свободу скитаться по всему свету, и что обман есть, собственно, принадлежащее им ремесло”.⁴⁷

К концу XVIII в. ареал расселения цыган на территории Российской империи и в приграничных районах сопредельных стран значительно расширился. Колоритная цыганская культура органично вошла в российскую культуру, обогатив ее самобытным искусством. О цыганах знали, цыган видели, с цыганами общались. Вместе с тем цыгане, приспосабливаясь к внешней среде, не теряли главного: своего языка, традиций, обычаев, приверженности заветам предков. Культура цыганского народа во многом была непонятной и в то же время привлекала представителей других народов. Образ жизни таборов оставался загадочным, не вписывавшимся в стандарты размеренной жизни русских и других народов империи. Однако эта таинственность манила к себе, вызвала удивление. К концу века уже не казались экзотическими сообщения о цыганах, появлявшиеся на страницах отечественной прессы. Так, российский читатель со страниц “С.-Петербургских ведомостей” в 1798 г. мог узнать о выходе в свет календаря на 1799 г. “старого цыгана, ворожеи, угадчика, в пользу и увлечение молодых молодухек и красных девушек”.⁴⁸ Календарь продавался во всех книжных лавках по цене 1 руб. 20 коп.

Еще в начале XIX в. цыган известные российские ученые относили к категории “новых посе-

ленцев” наряду с немцами, англичанами, французами, греками, армянами, иранцами, поляками, славянскими народами Балканского полуострова, карелами, хивинцами, евреями и грузинами.⁴⁹ Так, Е. Зябловский писал: “Цыгане бродят по России, особливо много их находится на Украине. Некоторые из них в шатрах проводят целую зиму, а другие на зиму переходят в избы; впрочем, есть и такие, которые живут в постоянных жилищах. Кузнечные работы и мена лошадей составляют главнейший их промысел”.⁵⁰ К этому времени цыгане жили во многих губерниях Российской империи. При этом наблюдалась определенная закономерность среди оседлых цыган: они старались поселиться либо в центрах торговли (включая ярмарочную), либо вблизи с ними. Это давало определенные преимущества. Так, цыгане Нижегородской губернии пользовались близостью торговых трактов, шедших к Нижнему Новгороду, а также крупнейшей в мире Нижегородской (ранее Макарьевской) ярмаркой.⁵¹ А цыгане Саратовской губернии в основном проживали в Петровске, Вольске, Аткарске и Царицыне, т.е. в городах, также имевших торговое значение.⁵² В Симбирской губернии в 1852 г. проживал 171 оседлый цыган (больше, чем немцев. – В.Ш.).⁵³ Большинство цыган проживало на территории Симбирской губернии в Алатырском и Сызранском уездах, где некоторые из них, занимавшиеся торговлей, были причислены к мещанам.⁵⁴ В Царстве Польском, по официальным данным, насчитывалось цыган в 1834 г. – 258 чел., в 1865 г. – 235 чел. (соответственно на 1 млн. жителей приходилось в 1834 г. – 64 цыгана, в 1865 г. – 48 чел.).⁵⁵ В.А. Пылаев в книге “Старорусский край. Природа и население” отметил, что цыгане жили преимущественно в городах: “Живут они частью в городе, частью странствуют по деревням. Занимаются торговлей, менкой лошадей, а цыганки – гаданьем и нищенством”.⁵⁶

Таким образом, на протяжении XVII-XIX вв. расширилась территория расселения цыган на территории Российской империи. Оседлых и кочующих цыган можно было встретить от западной границы России до Сибири, от северных губерний – до предгорий Кавказа и в Закавказье. Подавляющее большинство цыган имело определенное занятие, чаще всего связанное с торговлей или ремеслом. “ Попрошайничество”, о котором так много писали исследователи, имело место, но не являлось основным источником для существования народа. В равной степени можно говорить о нищих, собирателях милостыни и у других народов Российской империи, которые в совокупности многократно превосходили цыган. Чаще всего обыватели не замечали де-

сятки нищих из числа коренных жителей, стоящих у паперти, но сразу обращали внимание на цыганок с детьми, просивших подаяния на улице. Это и неудивительно: смуглые цыгане, носившие традиционную одежду, сразу выделялись из толпы и невольно привлекали внимание. Но как довольно многочисленный народ мог на протяжении веков выжить благодаря милости аборигенного населения? Нет, цыгане были искусными ремесленниками, умелыми торговцами, талантливыми музыкантами, певцами, танцорами. Как видно из приведенных примеров, цыгане, проживавшие в приграничных областях и в сопредельных с Россией странах, использовали преимущества, которые давала приграничная торговля. Зачастую не участвуя напрямую во внешнеторговых операциях, они с выгодой для себя выступали в качестве посредников, извлекали прибыль от контрабанды запрещенных к экспорту товаров.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган – новый взгляд. Воронеж: ИПФ “Воронеж”, 2000. 336 с.
- ² Патрик Гордон. Дневник 1635-1659. М.: Наука, 2001. 280 с.
- ³ Славяно-молдавские летописи / Сост. Ф.А. Грекул. Отв. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1976. С.49.
- ⁴ Дневник Эриха Ляссоты из Стеблева // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси / Под ред. В. Антоновича. Вып. I (XVI ст.). Киев, 1890. С.146.
- ⁵ Цыгане // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т.XXXVIII. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1903. С.618.
- ⁶ О мануфактурной и торговой промышленности в Молдавии, Валахии и Бессарабской области // Журнал мануфактур и торговли. 1832. №1. С.106.
- ⁷ Там же. С.106-107.
- ⁸ О камеральном описании Крыма 1784 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1887. Т.2. С.3-8.
- ⁹ Там же. С.28.
- ¹⁰ Тунмани Г. Крымское ханство / Пер. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Симферополь: Таврия, 1991. С.27.
- ¹¹ Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах. М.: Наука, 1999. С.147.
- ¹² Торопов В.Г. История и фольклор крымских цыган. М.: Институт наследия, 2004. С.23.
- ¹³ Таврическая губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.ХI. Ч.2. СПб.: в Тип. Департамента Генерального штаба, 1849. С.111.
- ¹⁴ Там же. С.216.
- ¹⁵ Торопов В., Калинин В. Феномен обычного права цыган России. Иваново: ИГУ, 2006. С.19.
- ¹⁶ Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т.XXXIV: Акты, относящиеся ко времени войны за Малороссию (1654-1667). Вильна: электро-типография “Русский почин”, 1909. С.310-311.
- ¹⁷ Скальковский А. Хронологическое обозрение Новороссийского края 1730-1823 г. Ч.1: с 1730 по 1796 гг. Одесса, 1836 г. С.231.
- ¹⁸ РГАДА. Ф.19. Оп.1. Д.335. Л.55-61.

- ¹⁹ *Олеарий Адам*. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введ., перев., примеч. и указат. А.М. Ловягина. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906. С.70-71.
- ²⁰ Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией. Т.V: Акты Брестского и Городненского городских судов, с присовокуплением Привилегий на землевладение в Брестской и Кобринской экономиях. Вильна: в Тип. Губернского правления, 1871. С.116-118.
- ²¹ Там же. С.122-127.
- ²² Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т.ХХХVII: Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. Вильна: электро-типография "Русский почин", 1912. С.259.
- ²³ РГАДА. Ф.181. Оп.3. Д.225. Л.184-188 об.
- ²⁴ Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссией для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе. Часть 5: Акты о городах (1432-1798). Т.1. Киев: в Универ. тип., 1869. С.614.
- ²⁵ Описание путешествия Иосифа Копца вдоль всей Азии, напролет от Охотского порта по океану, через Курильские острова, до Нижней Камчатки, а оттуда обратно до того же самого порта на собаках и оленях / В Записки бригадира Иосифа Копца // Исторический вестник. 1896. №10. С.240.
- ²⁶ *Плещеев С.И.* Плещеево обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии, с показанием новоприосоединенных к России от Порты Оттоманской областей. Изд.4, противу первых трех исправленное и многими достопамятностями умноженное. СПб.: печ. в Имп. тип., 1793. С.173.
- ²⁷ *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару / Пред. Н.А. Халфина. М.: Наука, 1975. С.104.
- ²⁸ *Спасский Г.* Бухарские // Сибирский вестник. 1823. Ч.4. С.182.
- ²⁹ *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару / Пред. Н.А. Халфина. М.: Наука, 1975. С.106.
- ³⁰ Там же. С.98.
- ³¹ *Мир Абдул-Керим Бухарский.* Царствование Шах Тимура // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.2. М.-Л.: АН СССР, 1938. С.198.
- ³² *Ханьков Н.В.* Описание Бухарского ханства. СПб.: Б.и., 1843. С.73.
- ³³ *Кун А.Л.* Очерк Кокандского ханства // Известия Русского географического общества. 1876. Т.ХII. Вып. I. С.63-74.
- ³⁴ *Семенов А.А.* По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 г.) // Исторический вестник. 1902. №3. С.963.
- ³⁵ *Торопов В.Г.* Феномен обычного права цыган России. Иваново: ИГУ, 2006. С.26.
- ³⁶ *Муравьев Н.Т.* Письма русского из Персии. Ч.1. СПб.: Тип. штаба Отд. корп. внутр. стражи, 1844. С.115-116.
- ³⁷ *Огородников П.И.* Очерки Персии. СПб.: Тип. Товар-ва "Общественная польза", 1878. С.87.
- ³⁸ Там же. С.1.
- ³⁹ Армянская анонимная хроника 1722-1736 гг. / Азерб. ССР, Институт истории; Пер. с турецк. и примеч. З.М. Буниятов. 2-е изд. Баку: Элм, 1988. С.12.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С.12-13.
- ⁴² Там же. С.13.
- ⁴³ Там же. С.13-14.
- ⁴⁴ Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйриэ (Eugie2s) и украшенное гравюрами / Пер. Е. Корша. Издание А.С. Ширияева. Т.VI. М.: в Тип. Н. Степанова, 1840. С.21.
- ⁴⁵ Жизнь Артемия Араратского / Изд. подг. К.Н. Григорьян при участ. Р.Р. Орбели. М.: Наука, 1981. С.164.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Петербургская старина. Новости, объявления, распоряжения правительства // Русская старина. 1882. №8. С.661.
- ⁴⁹ *Зябловский Е.* Землеописание Российской империи. Ч.2. СПб.: Имп. Акад. наук, 1810. С.78-81.
- ⁵⁰ Там же. С.81.
- ⁵¹ Нижегородская губерния в хозяйственно-статистическом отношении // Журнал МВД. 1958. Ч.28. №1. С.32.
- ⁵² *Минх А.Н.* Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861-1888 годах / Член Императорского русского географического и Московского Археологического обществ, Саратовской Архивной комиссии и Саратовского губернского статистического комитета А.Н. Минха. СПб.: в тип. В. Безобразова и К°, 1890. С.3.
- ⁵³ *Штукенберг И.Ф.* Статистическое описание Симбирской губернии // Статистические труды Ивана Федоровича Штукенберга, издаваемые сыном автора Антоном Штукенбергом. СПб.: в Тип. И.И. Глазунова и К°, 1859. С.5.
- ⁵⁴ *Артемьев А.И.* Симбирская губерния. СПб.: в Тип. Карла Вульфа, 1863. XXXV, 99 с.
- ⁵⁵ Население по народному происхождению и вероисповеданию // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Т. XXVII. Отд. III. С.55.
- ⁵⁶ *Пылаев В.А.* Старорусский край. Природа и население / Под общ. ред. Д.О. Свяцкого. Новгород: Новгородский Окрит, 1929. 128 с.

GYPPIES AND TRADE IN THE RUSSIAN EMPIRE

© 2010 V.N. Shkunov

Volga Region Branch of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Samara

The article deals with trading activity of the Gipsy people. The author makes an attempt to re-evaluate the gypsies' participation in the economic life of the Russian Empire. He gives specific examples of gypsies' participation in both domestic and foreign trade throughout XVII-XIX centuries, and defines their connections with fellow tribesmen in the adjacent countries.

Key words: gypsies, domestic and foreign trade, Russia, adjacent countries, smuggling, handicraft, folk art, traditions.